

В Котласе живет свой джаз!

Ульяна ДМИТРИЕВА.

Недавно мы праздновали столетие джаза. С момента своего рождения он завоевывает все новые и новые сердца. Джаз – это рояль, гитары, барабаны, труба, тромбон и, конечно, саксофон, слившиеся в одном потоке музыки. Джаз словно джин, заточенный в бутылке, который, вырываясь на свободу, околдовывает все вокруг. И как же нам всем повезло, что в Котласе есть свой джаз-бэнд (бэнд в переводе – большой). А руководит этим удивительным коллективом Владимир Вениаминович Угрюмов. Именно с ним я решила побеседовать после очередного концерта.

– Владимир Вениаминович, с вами часто выступают такие яркие исполнители, как Марина Старцева, Светлана Юрикова, Петр Тарасенко. Расскажите, пожалуйста, о самом коллективе, его участниках.

– Два года назад отметили юбилей – десять лет! Сначала нас было всего шестеро, теперь гораздо больше. Имена джазменов вам наверняка знакомы – это Алексей Ковков, Алексей Низовцев, Андрей Падерин (саксофон); Сергей Пузырев, Александр Подсекин (труба); Владимир Чирков (тромбон); Владимир Агалаков (рояль); Александр Аникин (барабаны). Совсем недавно пришли Андрей Ковалевский (бас-гитара) и Александр Бологов (саксофон). Для них, несмотря на юные годы, джаз имеет очень большое значение.

– А что значат джаз и сцена для вас?

– Занимаюсь джазом большую часть своей жизни – около тридцати лет. Надеюсь, что если дело продолжится, то через пять-шесть лет у нас будет действительно полный состав оркестра, сегодня не хватает лишь группы тромбонистов. Хочу поднять коллектив на более высокий уровень, чтобы его было не стыдно показать в других городах. Хотя мы, конечно, выезжаем. Были в Великом Устюге, Архангельске, Коряжме.

Мечтаем о своей площадке для выступлений, куда могли бы прийти люди старшего поколения, чтобы послушать живую музыку, отдохнуть. Мне кажется, что все рестораны нашего города превратились в дискотеки. Но и молодым людям надо привыкать к музыке со смыслом, а не слушать одну попсу. Во всем мире считается, что джаз – музыка для интеллектуалов.

– Владимир Вениаминович, вы сами произведения сочиняете?

– Нет. Это должно даваться свыше. А не дано – не берись. Делаю только оркестровки, зато наш Александр Подсекин творит. Все у него получается вкусно и приятно.

– Так почему же в залах так мало народу?

– На наших концертах аншлаги редки. Джаз – для избирательной публики. Но планы у нас большие.

– Расскажите!

– Каждую весну с архангельскими музыкантами проводим дни джаза: Котлас, Коряжма, Великий Устюг. В конце марта, если денег найдем, поедем в Новодвинск и Архангельск. Хотя наш оркестр и не считается профессиональным, большая часть музыкантов имеет специальное образование, поэтому выступления проходят на высоком уровне. Творчеством занимаемся в свободное от работы время. По этой же причине у нас статус самодеятельного оркестра.

– Как вы пришли в музыку и кого считаете первым учителем?

– Мой первый учитель – мама. Правда, она не профессиональный музыкант, но играет на гармошке замечательно. Вот я и научился. А в детстве мечтал стать космонавтом. В 1961 году Юрий Гагарин полетел в космос, он был кумиром всех мальчишек моего поколения.

Момент, когда впервые услышал джаз, прекрасно помню. Я собирал пластинки и однажды совершенно случайно купил «Джаз-66». Включал ее крайне редко. И не предполагал тогда, что джаз станет моей судьбой.

– И все же вы получили музыкальное образование?

– Да. Правда, в музыкальной школе я проучился всего два с половиной года и бросил. Мне не понравилось, что давали очень легкие для меня произведения. А закончил я оркестровое отделение Архангельского музыкального училища.

– Тогда, наверное, и занялись джазом профессионально?

– В то время студентов на эстрадно-джазовом отделении не хватало. Ведь буквально за год-два до этого учащегося могли исключить из училища только за то, что он играл на саксофоне. И я стал посещать занятия джазового отделения, общаться с джазменами, играть в ресторанных коллективах. С тех пор повсюду вместе с музыкой.

– Тем не менее с преподавательской деятельности вы ушли...

– Это случилось в 1996 году: даже мизер, что платили, перестали давать. Сейчас работаю в отделе снабжения на Лимендском ССРЗ. Но с джазом не расстанусь никогда, это неотъемлемая часть моей жизни.

– Неужели никогда не хотелось все бросить?

– Был у меня такой период, когда я отчаялся. Думал, что мне в Котласе просто не с кем будет играть. Месяцев шесть моя труба пролежала под кроватью. Но потом меня вытащили коллеги по творчеству, удивлялись: как это так, музыкант, и ничем не занимается? Пригласили в духовой оркестр. Потом я снова стал играть джаз.

– С чем вы ассоциируете джаз?

– Пожалуй, его можно сравнить с болотом (в хорошем смысле этого слова), которое затягивает. Раньше думал, что это касается только меня. Но теперь знаю, что почти всех музыкантов джаз приковывает к себе на долгие-долгие годы. Навсегда. И даже тех, кто соприкоснулся с ним не так рано, как я.